

А. А. Курнос

**РАЗВИТИЕ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ  
(1945—1955 ГГ.)**

В предыдущих статьях<sup>1</sup> было кратко охарактеризовано зарождение мемуаров в годы войны. В одной из них было подчеркнуто, что характерной особенностью произведений, названных «протомемуарами», была их тесная связь с публицистикой тех лет с точки зрения содержания, цели создания и формы. Отмечена была также самая активная роль литераторов — писателей и журналистов — в выработке и утверждении традиций этой литературы.

В другой статье рассматривалась деятельность Комиссии по истории Великой Отечественной войны, направленная на создание и соби́рание источников личного происхождения. В ней было отмечено влияние профессиональных историков на мемуарную традицию уже в период ее возникновения.

Данная работа является непосредственным продолжением названных выше. Она посвящена развитию мемуарной литературы о Великой Отечественной войне в истекшее после победы над фашизмом десятилетие.

В это десятилетие появился ряд мемуаров участников Великой Отечественной войны. В годы войны мемуары, посвященные этому периоду, прошли лишь первоначальную, так сказать, эмбриональную фазу своего развития. Выделение их в качестве особой литературной формы закрепления и осмысления опыта недавнего прошлого относится уже к послевоенному десятилетию. Именно тогда получили распространение некоторые специфические разновидности мемуаров, четко обозначился ряд тенденций и направлений их эволюции. Были предприняты и первые попытки определения особенностей мемуаров о Великой Отечественной войне как своеобразной формы ее отображения в литературе. Воспоминания, написанные и опубликованные в 1945—1955 гг., во многом повлияли на последующее развитие военно-мемуарной литературы и в конечном счете на состав и особенности всего корпуса мемуарных источников по истории Великой Отечественной войны.

В первое послевоенное десятилетие увидели свет сравнительно немногочисленные издания мемуаров участников войны. По подсчетам, приведенным в «Очерках советской военной историографии», издательства нашей страны выпустили немногим более 100 военно-мемуарных книг и сборников воспоминаний<sup>2</sup>.

Почти все мемуары участников Великой Отечественной войны, изданные в первое послевоенное десятилетие, написаны бывшими фронтови-

<sup>1</sup> Курнос А. А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941—1945). — АЕ за 1975 г. М., 1976, с. 3—11; *Он же*. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР (Организация и методика соби́рания). — АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 118—132.

<sup>2</sup> Очерки советской военной историографии. М., 1974, с. 345.

ками и партизанами. Число воспоминаний тружеников тыла, работников культуры, политических деятелей было невелико<sup>3</sup>.

Среди опубликованных тогда мемуарных источников большое место заняли воспоминания авиаторов и моряков<sup>4</sup>. При всей неполноте и приблизительности подсчетов, а также условности разделения воспоминания фронтовиков, сражавшихся в сухопутных войсках (за вычетом разведчиков, саперов, медиков и военных журналистов, а также мирных жителей городов-героев), относятся к мемуарам летчиков и моряков примерно, как 3 : 2 : 1<sup>5</sup>.

Еще более отчетлива в мемуарной литературе этих лет диспропорция между воспоминаниями воинов регулярных сухопутных войск<sup>6</sup> и партизан (включая сюда воспоминания подпольщиков)<sup>7</sup>. По неполным подсчетам, отдельные издания (книги) мемуаров солдат и офицеров регулярных частей Советской Армии (включая записки военных журналистов) соотносятся с воспоминаниями участников народного сопротивления в тылу врага (тоже с учетом воспоминаний военных и партизанских журналистов) примерно, как 1 : 1. Несколько иное соотношение дает

<sup>3</sup> Укажем наиболее известные из них: *Драгунов М.* Это было на нашем заводе. [М.], 1948; *Ползикова-Рубец К.* Они учились в Ленинграде. Дневник учительницы. М.—Л., 1948; *Дегтярев В. А.* Моя жизнь. М., 1949; *Дорохин Н. И.* По дорогам войны. Артисты МХАТ на фронте. М., 1950; и др. Большие или меньшие разделы о годах Великой Отечественной войны содержатся также в более широких по хронологическому охвату или тематике мемуарных произведениях.

<sup>4</sup> *Борисенко С. П.* На трассах войны. Фронтные записки гражданского летчика. Лит. обраб. П. С. Богацкого. М., 1947; *Голубев В.* Школа войны. М., 1947; *Кожедуб И. Н.* Служу Родине. М., 1950; *Корзунов Н.* На боевом курсе. Записки офицера авиации. М.—Л., 1945; *Покрышкин А. И.* Крылья истребителя. М., 1948; *Ракобольская И.* 46-й гвардейский. — В кн.: Славные дочери советского народа. Воспоминания и очерки. М., 1948, с. 59—85; *Ушаков С. Ф.* Боевые будни. М., 1945; *Тимофеев В. А.* Штурмовики. Записки авиационного командира. Рига, 1953; *Штеменко А. П.* Так держать. Записки штурмана. М., 1951; и др. *Амурский П.* Другая с «Лембиту». Таллин, 1950; *Иоселиани Я. К.* Записки подводника. Лит. обраб. И. Кремлева. М., 1954; *Старииков В. Т.* На боевом курсе. Лит. обраб. Н. Михайловского. М., 1952; *Чернышев И. Н.* На морском охотнике. Записки морского офицера. Л., 1950; и др.

<sup>5</sup> Подсчитано по: «История советского общества в воспоминаниях современников. 1917—1957. Аннотированный указатель мемуарной литературы». М., 1958. Подсчет воспоминаний по «Ежегоднику книги» за 1945—1955 гг. дает соотношение 2 : 1,25 : 1. См. также: СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — сентябрь 1945 г.). Указатель советской литературы за 1941—1967 гг. М., 1977.

<sup>6</sup> *Автомонов П.* В Курляндском котле. М., 1955; *Алексеев А. И.* Записки разведчика. Ростов н/Д., 1951; *Багмут И.* Записки солдата. [Харьков], 1947; *Бузичарский Н. И.* Через Днепр. М., 1951; *Габдуллин М.* Мои фронтовые друзья. Из походной тетради. Алма-Ата, 1949; От Карелии до Кореи. Записки офицера. Иркутск, 1948; *Левченко И. Н.* В годы Великой войны. Фронтные записки. М., 1953; *Можыш-Уль Баурджан.* История одной ночи. Записки офицера. Калинин, 1954; *Павлов Я. Ф.* В Сталинграде. Фронтные записки. Сталинград, 1951; *Падерин И.* На главном направлении. (Сталинград—Берлин, 1942—1945 гг. Записки офицера). М., 1954; *Пенежко Г. И.* Записки советского офицера. Лит. обраб. Е. Герасимова. М., 1950; *Соловьев В. К.* Под Наро-Фоминском. Записки участника обороны Москвы. Лит. обраб. А. Субботина. М., 1953; *Шутов С.* Всегда в строю. Записки танкиста. Киев, 1950; и др.

<sup>7</sup> *Андреев В.* Народная война. М., 1949; *Артозеев Г.* Партизанская быль. Лит. запись И. Бразуль. М., 1954; *Бескромный И.* Лесная правда. Одесса, 1953; *Бринский А. П.* По ту сторону фронта. Лит. запись Б. Пильвика, кн. 1. Горький, 1954; *Вершигора П.* Люди с чистой совестью. М., 1948; *Золотарь И.* Записки десантника. М., 1955; *Игнатов П. К.* Записки партизана. М., 1949; *Кайсенов Касым.* Юные партизаны. Лит. запись Урсатьева. Алма-Ата, 1954; *Ковпак С. А.* От Путивля до Карпат. Лит. запись Е. Герасимова. М., 1949; *Козлов В. И.* Люди особого склада. Лит. запись А. Кулаковского. М., 1953; *Козлов И.* В Крымском подполье. Воспоминания. М., 1947; *Ливенцев В.* Партизанский край. Лит. запись Г. Нехая. Л., 1951; *Линьков Г. М.* Война в тылу врага. М., 1949; *Лозунова Т.* В лесах Смоленщины. Записки комсомолки-партизанки. Лит. редакция А. Татаровой. М., 1947; *Медведев Д. Н.* Это было под Ровно. Лит. обраб. М. Белаховой. М., 1948; *Наузов М. И.* Хинельские походы. М., 1954; *Федоров А. Ф.* Подпольный обком действует. Лит. запись Е. Босняцкого. М., 1954 и др.

подсчет журнальных публикаций. В указателе содержится 51 название публикаций послевоенного десятилетия, отразивших борьбу армии, авиации и флота, и 35 названий воспоминаний участников партизанской войны<sup>8</sup>.

Следовательно, издания воспоминаний партизан в журналах разного профиля относятся к воспоминаниям фронтовиков, как 1:1,5. Ясно, что и эта пропорция не соответствует реальным масштабам войны в тылу врага и на фронтах.

Содержание мемуаров в конечном счете определяется сочетанием объективных и субъективных факторов. К числу первых относится, в частности, специфика личного опыта мемуариста, то, что он *мог* знать и сам пережил. Такого рода особенности зависели от военной судьбы автора и от его роли в конкретных событиях. Вместе с тем содержание воспоминаний зависит от того, что *хотел* и мог рассказать их автор. С этой точки зрения решающим является сочетание индивидуальных особенностей мемуариста с особенностями исторической и историко-культурной ситуации времени создания или издания воспоминаний в целом.

Информативность мемуарной литературы послевоенного десятилетия определялась прежде всего составом авторов. Среди мемуаристов, сражавшихся в рядах регулярных войск, преобладали командиры среднего тактического звена — роты, батальона, полка, эскадрильи, дивизиона, корабля и т. п.

Можно назвать мемуары лишь одного автора — командира авиационной дивизии. Это воспоминания трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина. Но и они лишь в сравнительно небольшой своей части могут быть соотнесены с масштабами дивизии: войну автор встретил командиром звена, затем командовал эскадрильей и далеко не сразу стал комдивом.

Эти книги очень часто содержали сообщения лишь об отдельных событиях истории войны, разумеется, в той мере, в какой эти события могли восприниматься авторами. Событийность и фрагментарность содержания в еще большей степени были характерны для журнальных публикаций мемуарных источников и для материалов, вошедших в разного рода сборники. Некоторые особенности мемуаров, увидевших свет в 1945—1955 гг., могут быть проиллюстрированы на примере книги Г. И. Пенежко «Записки советского офицера»<sup>9</sup>. Это одно из самых ярких мемуарных произведений послевоенного времени. Первая часть книги («Десять дней») посвящена действиям 8-го механизированного корпуса в период приграничного сражения (22 июня—3 июля 1941 г.), вторая — участием автора в обороне Одессы.

Если иметь в виду описание в воспоминаниях боевых действий корпуса, то оно четко ограничено кругом личных наблюдений и переживаний автора. Будучи командиром разведроты (нескольких легких танков и танкеток), Пенежко лишь в отдельных случаях объясняет положение корпуса в целом — тогда, когда он получил соответствующие сведения, находясь при корпусном штабе<sup>10</sup>. Более последовательно освещаются им

<sup>8</sup> История советского общества в воспоминаниях современников. Аннотированный указатель мемуарной литературы, ч. 2, вып. 2. Журнальные публикации 1928—1957 гг. М., 1967, с. 184—204. В «Очерках советской военной историографии» утверждается со ссылкой на одну из работ автора данной статьи, что воспоминания участников партизанского движения «составили не менее четверти всех книг по этой проблеме (имеется в виду борьба советского народа на оккупированной территории. — А. К.), опубликованных в 1945—1955 г.». В оригинале речь идет о соотношении собственно мемуаров и литературных записей (ср. Очерки советской военной историографии, с. 261, и Курносоев А. А. Развитие мемуарной литературы о борьбе советского народа на оккупированной врагом территории. — В кн.: Вторая мировая война, кн. 3. Движение сопротивления в Европе. М., 1966, с. 113).

<sup>9</sup> Пенежко Г. Указ. соч.

<sup>10</sup> Там же, с. 92—93 и др.



действия боевой группы корпуса, которой руководил заместитель командира корпуса по политчасти Н. К. Попель. Ее ядром была дивизия полковника Васильева (34-я танковая)<sup>11</sup>. Но и здесь содержание воспоминаний ограничивалось по преимуществу кругом личных впечатлений, поле которых, однако, было значительно шире обычных, «нормальных» возможностей командира роты, поскольку Пенежко командовал разведывательной ротой, состоявшей при командовании боевой группы.

Бои и переходы частей и соединений корпуса нередко остаются необъясненными, особенно в случаях, когда понять их можно было исходя из анализа оперативной обстановки, по крайней мере в масштабах фронта. Поэтому, например, по «Запискам» Пенежко нельзя узнать причины окружения и разгрома боевой группы Пополя в районе Дубно, после того как она добилась значительного тактического успеха и нанесла противнику серьезные потери. Автор констатирует большое численное превосходство противника, особенно в танках, его господство в воздухе, хорошо организованное взаимодействие вражеских наземных войск и авиации, недостаточное их взаимодействие у нас. Однако остаются невыясненными масштабы (в том числе соотношение сил), замысел, конкретные причины неудачи операции, в которой 8-й мехкорпус был лишь одним из участников.

Казалось бы, с военно-исторической точки зрения мемуары Пенежко дают историку немного. Однако такое заключение не вполне справедливо. Свидетельства фронтовика, имевшего возможность непосредственно, на поле боя сравнивать тактику, технику и, главное, человеческий потенциал советских и немецко-фашистских войск, сохраняют свое значение и для современной науки. Они придают весомость, зримость, так сказать, материальность суждениям военачальников высоких и высших рангов. Сравнение, например, тактико-технических данных советских и фашистских танков выглядит абстракцией, если не подкреплено представлением о том, как возможности, заложенные в их конструкциях, реализовались в бою. Лишь подробный фактический материал позволяет конкретно представить такие категории, как обученность войск, согласованность действий частей и подразделений, родов войск, морально-политическое состояние личного состава, принципы отбора и подготовки командных кадров. Иными словами, именно в рассказах о фактах тактического масштаба выражают себя процессы, гораздо более глубокие, неясные. При этом выявляются они обычно не расчлененно, а синтетически, в органическом взаимодействии объективных и субъективных факторов. Однако для такого осмысления этих свидетельств нужно увидеть их в реальном историческом контексте, в связи с другими источниками и, это очень важно, в сопоставлении с ними или с уже сделанными на основании этих источников обобщениями. В конечном счете такие повествования участников событий требуют для максимально полного раскрытия своих возможностей соответствующей историографической и источниковедческой базы. Без этого они останутся (и для читателя 50-х годов оставались) лишь рассказом об отдельных фактах героизма и самоотверженности, прежде всего рассказом о людях и их поведении.

В отличие от воспоминаний фронтовиков многочисленные мемуары партизан и подпольщиков образовали несколько более или менее компактных групп повествований. Некоторые из них соотносились с такими крупными очагами борьбы, как Брянские леса, Белоруссия, Левобережная Украина, Крым и в меньшей степени Смоленщина. Другие были

---

<sup>11</sup> Характерно, что автор не указывает номера частей и соединений. Традиция обозначения в общедоступной печати войск именами их командиров, восходящая к годам войны, нередко действовала и в послевоенное время.

посвящены истории прославившихся рейдирующих партизанских соединений под командованием С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, А. Н. Сабурова, М. И. Наумова<sup>12</sup>. Во многих из этих групп источников освещено было партизанское движение и подполье на одной и той же территории в одно и то же время. Более того, мемуаристы нередко участвовали в одних и тех же операциях, сражались в рядах одних и тех же формирований. Вследствие этого их свидетельства дополняли и подчас уточняли друг друга. Взятые в совокупности, они позволяли представить не только отдельные фрагменты истории народной войны, но и, пусть «в первом приближении», особенности ее развития в разных районах и на разных этапах. Тем самым открывались возможности установления некоторых общих и частных зависимостей, связей и подчас даже закономерностей этого сложного явления. Да и событийная его история была отражена мемуарами партизан и подпольщиков гораздо более полно и, главное, систематично, чем события на фронте в воспоминаниях офицеров и солдат регулярной армии.

Разумеется, их полноту и систематичность нельзя переоценивать. Многие районы интенсивного партизанского движения не были представлены в мемуарах десятилетия. Не были отражены в них и действия очень многих крупных формирований, а также важнейшие стороны народной войны в тылу врага. Так что о полноте и систематичности свидетельств партизан и подпольщиков можно говорить очень условно, в сравнении с другими группами воспоминаний.

Относительная взаимосвязанность мемуаров участников народного сопротивления в известной степени определялась появлением воспоминаний партизан из рейдирующих соединений. Встречаясь и нередко взаимодействуя во время походов со многими и очень отличающимися друг от друга формированиями, наблюдая и сопоставляя условия в различных районах оккупированной территории, эти авторы имели большие возможности для сравнения и обобщения.

Мемуары «рейдовиков» в какой-то степени связали друг с другом очаги партизанского движения и партизанские мемуары: Брянский, представленный тематическим сборником воспоминаний, двумя-тремя самостоятельными изданиями мемуаров, в том числе известной книгой В. А. Андреева «Народная война», и фрагментами из записок мемуаристов-рейдовиков (рейдирующие соединения, перечисленные выше, сформировались на Брянщине либо связали с этим районом важный этап своего боевого пути); Восточно-Белорусский (там действовало объединение Г. М. Линькова — Бати); Западно-Белорусский и Западно-Украинский, куда был заброшен отряд Д. Н. Медведева, передислоцировалось соединение А. Ф. Федорова и где возглавил новое объединение Г. М. Линьков. В мемуарах брянских и белорусских партизан содержатся некоторые сообщения и о Смоленской зоне партизанского движения. Относительно изолированными оказались Крым (мемуары И. А. Козлова, И. З. Вергасова и других участников партизанской борьбы), Кубань (воспоминания П. К. Игнатова), Прибалтика и некоторые другие районы, временно оккупированные гитлеровцами.

Взятые в комплексе, мемуары партизан и подпольщиков, таким образом, выполняли определенную историко-познавательную функцию, иногда дополняя, а иногда и существенно опережая в этом отношении научную и научно-популярную литературу<sup>13</sup>.

Наряду с самостоятельными изданиями в виде книг и журнальных публикаций многочисленные воспоминания были напечатаны в темати-

<sup>12</sup> История советского общества в воспоминаниях современников, с. 279—287.

<sup>13</sup> Курносоев А. А. Борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов. Историография вопроса. — В кн.: История и историки. Историография истории СССР. Сб. статей. М., 1965, с. 170, 175—178.

ческих сборниках разного рода. Среди них были и специально мемуарные<sup>14</sup>, и смешанные сборники литературно-художественных<sup>15</sup> материалов и материалов личного происхождения. Единичные воспоминания помещались также в сборниках документов и материалов, подготовленных государственными архивами. Темой таких изданий служили обычно выдающиеся события военных лет (Сталинградская битва, оборона Ленинграда, штурм Берлина), героические подвиги молодежи, женщин, борьба жителей определенного города или района (партизан Брянщины, жителей Одессы, Сталинграда, Ленинграда)<sup>16</sup>.

Указанные ранее тенденции, обозначившиеся в развитии мемуарной литературы в целом, выявили себя также и в сборниках: прежде всего в их составе, характере изложения, а самое главное, в оценке составителями и редакторами запросов, потребностей и требований читательской аудитории.

Одним из наиболее значительных и в определенном смысле показательных был великолепно изданный сборник воспоминаний, писем и дневников «Штурм Берлина» (М., 1948), подготовленный литературной бригадой в составе Е. Герасимова, Е. Долматовского, Ц. Солодаря, А. Суркова, З. Хирена и В. Шмерлинга и богато иллюстрированный документальными зарисовками художников студии им. Грекова. Среди авторов этого издания 49 представителей рядового и сержантского состава, 66 офицеров, 6 генералов. Небольшие по объему (обычно в 1—3 страницы) воспоминания фиксируют, как правило, отдельные эпизоды Берлинской операции. Будучи подобраны по этапам и участкам наиболее интенсивных боев в целом, они позволяют читателю представить сражение с точек зрения и рядовых его участников, и командиров подразделений и частей. Однако между отдельными фрагментами событий почти нет связи, они устанавливаются лишь при помощи самых лаконичных редакционных предисловий к разделам и организации материалов внутри их.

Книга о Берлинской операции не была исключительным явлением в мемуарной литературе послевоенного десятилетия. По существу в этой же традиции выполнен сборник воспоминаний брянских партизан, в котором, правда, фрагментарность содержания гораздо более очевидна из-за меньшей «компактности» самих явлений, в нем отраженных, большей их протяженности во времени и пространстве и менее очевидной их внутренней взаимозависимости друг с другом (не говоря уж о куда более скромном полиграфическом оформлении и литературных качествах)<sup>17</sup>. К указанным сборникам близки и некоторые другие издания<sup>18</sup>.

От них отличается характером и направленностью сборник смешанного состава, посвященный участию комсомольцев и молодежи в Вели-

<sup>14</sup> На защите родного завода. Воспоминания рабочих завода «Красный Октябрь». Сталинград, 1949; Сталинградцы. Рассказы жителей о героической обороне. Лит. запись. Е. Герасимова и В. Шмерлинга. М., 1950; Штурм Берлина. Воспоминания, письма, дневники участников боев за Берлин. Сост. Е. Герасимов, Е. Долматовский и др. М., 1948; Брянские партизаны. Брянск, 1951; и др.

<sup>15</sup> Комсомольцы и молодежь в боях за Сталинград. Сталинград, 1951; Жизнь солдата. Дневники, записи и письма бойцов действующей Красной Армии — участников Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1946; За Родину! За Сталина! Комсомольцы и молодежь Вооруженных Сил Союза ССР в Великой Отечественной войне. Литературно-художественный и документальный сборник. 1941—1942 г. М., 1951; и др.

<sup>16</sup> Битва за Тулу. Сб. материалов и документов. Тула, 1951, с. 32—34 (отрывок из воспоминаний помощника командира бронепоезда лейтенанта Зубкова); Одесса в Великой Отечественной войне Советского Союза. Сб. документов и материалов, т. 1. Одесса, 1947, с. 159—162, 242—244; т. 2. Одесса, 1949, с. 48—50, 52—58; и др.

<sup>17</sup> Брянские партизаны. Брянск, 1951.

<sup>18</sup> По своему характеру они продолжают традицию, намеченную в некоторых сборниках, опубликованных до войны (см., например: Бои в Финляндии, ч. I, II. М., 1941).



кой Отечественной войне<sup>19</sup>. Кроме художественных произведений (стихов, рассказов), очерков, а также некоторых официальных материалов (выдержек из приказов Верховного Главнокомандующего, сводок Совинформбюро, обращений, приветствий и т. п.) в это издание включены и отдельные воспоминания, посвященные подвигам молодых воинов. Что касается хода военных событий, то эта тема присутствует в сборнике лишь в качестве своеобразного фона для раскрытия главной темы.

Выше была сделана попытка показать состав мемуарной литературы по истории Великой Отечественной войны, увидевшей свет в 1945—1955 гг. В какой-то степени при этом раскрывались и особенности ее содержания, преимущественно с точки зрения военно-исторической науки. Ограниченная информативность мемуаров для военной истории не определяет, конечно, их значение для других областей исторической науки и их общенаучное значение. Мемуарная литература, не отдаленная еще временем от событий, относительно более непосредственно отразила психологию участников войны, чем воспоминания, написанные в последующие годы. Личности участников (прежде всего самих авторов), условия их жизни и борьбы (во всяком случае в некоторых их аспектах), мотивы поведения и поступков — все это представляет основное содержание воспоминаний.

Вместе с тем мемуары — это памятник общественно-исторической мысли эпохи их создания. С этой точки зрения они тоже представляют существенный интерес. Однако в опубликованных текстах мемуаров условия их создания обычно не фиксируются непосредственно. Методика такого исследования еще недостаточно разработана. Одним из путей является сопоставление разновременных вариантов и редакций одного и того же текста. Такая работа, демонстрирующая, в частности, влияние общей ситуации на воспоминания участников партизанского движения, была раньше проделана автором<sup>20</sup>. Разумеется, сделанные на основании этих исследований наблюдения и выводы должны быть проверены путем привлечения гораздо более широкого круга источников. А пока нуждается в объяснении особенностей и условий своего формирования сам корпус мемуарных источников.

Некоторые условия и предпосылки формирования комплекса мемуарных источников в послевоенный период можно наметить, если обратить внимание на состояние исторической литературы, посвященной проблемам истории Великой Отечественной войны, и на уровень развития художественной литературы этой тематики.

Изучение проблем истории Великой Отечественной войны в первое послевоенное десятилетие концентрировалось по преимуществу в учреждениях военного ведомства: в Военно-историческом отделе (управлении) и в других учреждениях Генерального штаба Советской Армии, в штабах родов войск, на кафедрах военных академий и т. д.<sup>21</sup> Результаты этих исследований не всегда были доступны широкой читательской аудитории. В ее распоряжение поступала сравнительно немногочисленная научно-популярная литература.

«Авторы издаваемых работ не всегда давали объективную научную оценку описываемым событиям, порой односторонне освещали опыт войны, не показывали в достаточной степени трудностей. Работы носили

<sup>19</sup> За Родину! За Сталина! Комсомольцы и молодежь Вооруженных Сил Союза ССР в Великой Отечественной войне. . .

<sup>20</sup> Курносоев А. А. Мемуары участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник. Опыт анализа мемуаров по истории Первой Бобруйской партизанской бригады. — ТМГИИИ, 1961, т. 16, с. 29—55; *Он же*. Приемы внутренней критики мемуаров. Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник. — В кн.: Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 478—505.

<sup>21</sup> Очерки советской военной историографии, с. 41—43, 232—239.

преимущественно описательный характер. В целом в литературе, изданной в 1946—1955 гг., ощущалась недостаточность документальной базы и имел место субъективизм в оценке отдельных событий и явлений»<sup>22</sup>.

Содержание научной, научно-популярной и мемуарной литературы с концептуальной точки зрения определялось трактовкой событий в книге И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», которая включала в себя приказы и выступления Верховного Главнокомандующего в годы войны.

Уже отмечалась ограниченность круга мемуаристов. Практически отсутствовали воспоминания военных руководителей стратегического и оперативного звена<sup>23</sup>, государственных деятелей, организаторов советской военной экономики. Такое положение было обусловлено, в частности, тем, что создание мемуаров о великих событиях непосредственно в послевоенные годы считалось преждевременным<sup>24</sup>.

Литературно-художественная традиция отображения Великой Отечественной войны получила значительное развитие уже в военное время. Целый ряд произведений прозы и поэзии, отмеченных подлинным талантом, дал основание для утверждения о неприменимости к тем годам известного афоризма: «Когда говорят пушки, музы молчат». Потребность народа в немедленном литературном воплощении и осмыслении народного подвига сделала исторически необходимыми поэмы, стихи, повести, драматургию А. Твардовского, К. Симонова, А. Суркова, А. Бека, А. Корнейчука, Б. Горбатова и многих других писателей и поэтов. Интенсивно развивалась художественная литература о войне и в послевоенные годы, когда она стала доминирующей формой осмысления еще совсем недавнего прошлого. Вполне естественно, что мемуарная литература испытывала самое сильное влияние со стороны литературно-художественной традиции, а мемуары рассматривались нередко как особая форма беллетристики.

Были и другие причины и предпосылки, обусловившие близость опубликованных после войны мемуаров к художественной литературе. Важной среди них была потребность советских людей осмыслить, осознать подвиг народа в войне и как собственный личный подвиг. И именно художественный образ, литературный герой, в наибольшей степени отвечал этому стремлению.

Такая «потребность» в художественно-историческом осмыслении войны в свою очередь предопределила возможность глубокого влияния художественной литературы на мемуарную. Действительно, соотносимость многих литературных героев с их прототипами, подчас и с самими авторами, так же как и соответствие литературных событий и ситуаций реальным, четко соотносенным с местом и временем, придавали многим произведениям послевоенной беллетристики черты «документальной прозы» (а иногда и «документальной поэзии»). Разумеется, их документальность весьма относительна: не столько документальность человеческих судеб и исторических фактов, сколько документальность впечатлений

<sup>22</sup> Там же, с. 238—239. См., например, одну из самых значительных работ этого времени — «Очерки истории Великой Отечественной войны. 1941—1945» (М., 1955), подготовленную Институтом истории АН СССР. В этой книге, итоговой по отношению к предшествующей литературе, проявилась ограниченность возможностей гражданских историков, начинавших разработку проблем истории Отечественной войны.

<sup>23</sup> Возможности авторов-фронтовиков в создании мемуаров «были весьма ограниченными, всему личному составу действующей армии требовалось определенное время для того, чтобы осмыслить события и факты, сделать обобщения и выводы. В этом следует искать одну из причин того, что за десять послевоенных лет среди изданных военно-мемуарных книг было слишком мало работ, написанных командирами дивизий, командующими армиями, военачальниками фронтового звена» (Очерки советской военной историографии, с. 344—345).

<sup>24</sup> Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1973, с. 6.



и переживаний автора — современника, свидетеля, а нередко и участника еще очень близких событий. Историческая конкретность художественной литературы облегчила сближение с ней литературы мемуарной, зафиксировавшей по преимуществу переживания и впечатления непосредственных участников боев, а не военных руководителей, которые воспринимали сражения, операции, кампании как нечто целое.

Сближение мемуаров и художественной прозы о войне нашло выражение в развитии ряда промежуточных литературных форм. «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Молодая гвардия» А. Фадеева и многие другие произведения были направлены на художественное осмысление реальных событий. К ним примыкали так называемые документальные повести, в основу которых были положены официальная и личная документация, рассказы и воспоминания участников борьбы. Но события в основном излагались популярно, широко использовались некоторые выразительные средства художественной литературы.

Следующим звеном в этой цепочке форм можно считать литературные записи воспоминаний. Именно такие повествования, созданные в процессе сотрудничества профессиональных литераторов с «бывальными людьми», составили большую (если не большую) часть мемуаров, созданных в послевоенное десятилетие. Степень влияния писателей на тексты произведений этого жанра варьировалась в очень широких границах: от поверхностной стилистической шлифовки уже готовых текстов до самого активного, творческого участия в их создании — фактического соавторства. Разная мера участия литераторов в создании мемуаров нашла выражение также в терминах «литературная редакция» и «литературная обработка» воспоминаний.

Наконец, этот ряд заключали собственно мемуары, такие, например, как воспоминания П. П. Вершигоры, И. А. Козлова и ряда других авторов, нередко имевших уже опыт литературной работы и использовавших некоторые из ее приемов и средства, а также мемуарные произведения профессиональных литераторов — писателей и журналистов, бывших во время войны военными корреспондентами, сотрудниками фронтовых и партизанских газет. Их перу принадлежит ряд оригинальных мемуарных произведений, нередко тесно связанных преемственностью (и даже текстологически) с публикациями военных лет.

Одна из самых популярных книг этой группы — «Кавказские записки» В. Закруткина<sup>25</sup>. Эти воспоминания, посвященные боям на южном фланге советско-германского фронта, привлекали запоминающимися портретами фронтовиков, нетрафаретными пейзажными зарисовками, чрезвычайно конкретными и не только географически или топографически, а и исторически насыщенными, органически включенными в описание драмы войны (горящий лес, брошенные сады, горная долина, отравленная смрадом конских трупов: природа — тоже жертва, а не только театр военных действий), отчетливо ощутимой авторской интонацией, настроением (иногда отчаяния, подчас сдержанной патетики, добродушной насмешки или нежности).

Но, конечно, главное, что определило популярность мемуаров В. Закруткина, заключалось не только в художественных особенностях его работы. Велико было и их информационное значение: Закруткин, будучи военным корреспондентом, имел возможность наблюдать ход событий на разных участках и уровнях, с разных точек зрения. Ход противоборства армий представлен и таким, каким он видится в штабе дивизии, и с точки зрения рядового стрелка (а в этой роли В. Закруткину и самому приходилось не раз участвовать в боях). Обзор оперативной обстановки на значительном отрезке фронта давал читателю возможность понять гораздо более ограниченную по масштабу ситуацию на участке дивизии,

<sup>25</sup> Закруткин В. Кавказские записки. 1942—1943. М., 1954.

полка, а иногда и более мелких подразделений. Автор раскрывал смысл и значение действий не только частей и соединений, но и подразделений, и даже отдельных бойцов. Он возвращается к своим героям — людям, частям, соединениям — на разных этапах сражения, представляя их в динамике. Благодаря этому процесс укрепления армии раскрывается Закруткиным не декларативно, не аналитически, а путем многократного сопоставления во времени своих личных впечатлений. И впечатления эти относятся не к одному соединению, а к нескольким, сражавшимся по соседству или в некотором отдалении друг от друга, но на одном и том же Южном фронте, что позволило ему показать специфику событий не только во времени, но и в пространстве.

Сказанное о книге Закруткина, конечно, далеко не в полной мере может быть распространено на воспоминания других военных журналистов. Однако есть и общее: бóльшая или меньшая фрагментарность, «эпизодичность» содержания, относительная, хотя и ограниченная редакционными заданиями, свобода автора в выборе «объектов наблюдения и описания», неприкованность его к определенному участку фронта, воинскому или партизанскому коллективу, наблюдение как бы извне, но не бесстрастное, а глубоко заинтересованное.

Почти все мемуарные источники, опубликованные в послевоенные годы, были рассчитаны на самую широкую читательскую аудиторию. В соответствии с этой адресованностью они выпускались издательствами, специализировавшимися на «обслуживании» массового читателя. Среди них были Государственное издательство художественной литературы, издательство «Молодая гвардия», Государственное издательство детской литературы и др. Публикации мемуаров, осуществлявшиеся специализированными ведомственными издательствами, в частности Воениздатом, как правило, не отличались от других изданий<sup>26</sup>. Так, книги, выпущенные Военным издательством Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, лишь по второстепенным деталям оформления можно было отличить от публикаций Детиздата или Издательства художественной литературы. Понятно, что и принципы издания определялись кругом интересов предполагавшихся читателей. Отсутствовали обычные элементы археографического оформления (примечания по содержанию, ссылки на источники, указания разночтений, указатели и т. п.). В лучшем случае публиковались авторские предисловия с объяснением мотивов, побудивших автора создать мемуары, и предисловия-рекомендации, в которых мемуариста представляли читателям известные военачальники.

Иллюстрации к тексту были нередко выразительными. В отличие от многих публикаций последующего периода фотографии и документальные рисунки и зарисовки характеризовали героев мемуаров в жизни и в боевой обстановке. Рассказ мемуариста-писателя сочетался с рассказом мемуариста-фотографа или художника. Так, в воспоминаниях журналиста-военкора Л. Коробова «Малая земля», посвященных партизанскому соединению С. А. Ковпака, текст и фотоиллюстрации едва ли не равноправны, по крайней мере с точки зрения психологической характеристики участников партизанской войны. Органично сочетаются с текстом и фотографии, приведенные в воспоминаниях П. Вершигоры<sup>27</sup>. Свидетельства автора эти «иллюстрации» придают не только зримость, но в глазах читателя и документальную неоспоримость. Кроме того, они удачно расположены в тексте. Если в изданиях последующего периода фотоиллюстрации сосредоточены в блоках (одном-двух на издание), то в послевоенных публикациях они часто органично связаны с текстом,

<sup>26</sup> Ср.: Андреев В. Народная война. Воениздат. М., 1949; *Он же*. Народная война. Записки партизана. Издательство художественной литературы. М., 1952.

<sup>27</sup> Коробов Л. Малая Земля. М., 1948; Вершигора П. Люди с чистой совестью. М., 1948.

чему способствуют и подписи под фотографиями, иногда оригинальные, иногда взятые из текста.

Особенности издательской практики тех лет ярко проявились в отношении к документам, использованным при создании воспоминаний. В большинстве случаев источники органически включались в текст. Сведения, полученные из них, далеко не всегда отделялись от сохранившихся в памяти автора. Нередко ради единства изложения документы (прежде всего личного происхождения) пересказывались без каких-либо указаний на них и даже маскировались под непосредственные наблюдения автора. Таким образом, способы издания мемуарной литературы в послевоенные годы отражали отношение к ней как к жанру художественной литературы.

Заключая данную статью, можно отметить характерную для мемуаров послевоенного периода особенность — зависимость их от литературно-художественных традиций. Эта зависимость, как указывалось выше, была обусловлена состоянием профессиональной исторической науки, высоким уровнем развития литературно-художественной традиции, потребностями общества в осмыслении подвига в войне и как подвига личного, ролью мемуаристов в событиях и рядом других обстоятельств.

Все эти условия определили состав, проблематику, специфику формы и содержания мемуарной литературы послевоенного десятилетия.